

EDN: DUIPLZ
УДК 81'27

War Linguistics: Perception and Influence Tactics

Vyacheslav I. Terkulov*

*Donetsk National University
Donetsk, Russian Federation*

Received 25.01.2023, received in revised form 16.03.2023, accepted 12.04.2023

Abstract. War linguistics has described the texts forming the language picture of war. The subject of the study are the basic characteristics of this direction of research, the main objective of which is a comprehensive study and description of the lexicon, thesaurus and war pragmatics, implemented in the texts of different types – from the law texts to social networks discussions. The methodological basis of the study is the notion of language as an alienated reality, which embodies the war realities. The methodology of the war linguistics is the methods combination of sociolinguistics, lexicology, stylistics, discoursology, lexicography: methods of continuous sampling, questionnaires, interviews, discourse analysis, lexicography, etc. The distinction has been made between general war linguistics, which describes the global linguistic means of implementing the tactics of perception and influence on the masses, and local linguistics, associated with specific armed conflicts. There should be differentiated texts produced by war organizers, ideologists and propagandists (agents texts), on the one hand, and participants and victims of war (recipients texts), on the other one. Data from the war linguistics study can be used in propaganda and counterpropaganda, legal and social assessment of the military conflicts realities.

Keywords: war linguistics, lexicon, thesaurus, pragmatics, war text, manipulatively significant concept.

Research area: theoretical, applied, comparative and contrastive linguistics.

Citation: Terkulov V.I. War linguistics: perception and influence tactics. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2023, 16(6), 862–870. EDN: DUIPLZ

Лингвистика войны: тактики восприятия и воздействия

В.И. Теркулов

*Донецкий национальный университет
Российская Федерация, Донецк*

Аннотация. Объектом лингвистики войны являются тексты, которые формируют языковую картину войны. Предмет представленной статьи состоит в описании базовых характеристик данного направления исследований, основной задачей которого является комплексное изучение и описание лексикона, тезауруса и прагматикона войны, реализованных в текстах разных типов – от текстов законов и до обсуждений в соцсетях. Методологическая основа исследования – представление о языке как об отчуждённой реальности, в которой воплощаются реалии войны. Методология лингвистики войны представляет собой синтез методов социолингвистики, лексикологии, стилистики, дискурсологии, лексикографии: методы сплошной выборки, анкетирования, интервью, дискурс-анализа, лексикографирования и т.д. Различаются общая лингвистика войны, описывающая глобальные языковые средства реализации тактик восприятия и воздействия на массы, и локальная лингвистика, связанная с конкретными вооружёнными конфликтами. Различаются тексты, порождаемые, с одной стороны, организаторами, идеологами, пропагандистами войны (тексты агентов воздействия), а с другой – участниками и жертвами войны (тексты реципиентов). Данные исследований лингвистики войны могут использоваться в процессах пропаганды и контрпропаганды, юридической и общественной оценки реалий военных конфликтов.

Ключевые слова: лингвистика войны, лексикон, тезаурус, прагматикон, текст войны, манипулятивно значимый концепт.

Научная специальность: 5.9.8 – теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

Цитирование: Теркулов В. И. Лингвистика войны: тактики восприятия и воздействия. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2023, 16(6), 862–870. EDN: DUPLZ

Введение. События вооружённого противостояния не просто реализуются в текстах о войне, они формируют некоторое языковое пространство, языковую картину мира, точнее – войны, в которой отражается видение конфликта его организаторами, идеологами, пропагандистами, участниками и жертвами. В связи с этим возникла идея создания нового комплексного направления исследований воплощённой в языке картины войны, задачами которого было бы многомерное, объёмное изучение и описание лексикона,

тезауруса и прагматикона войны, представленных в текстах разных типов, отражающих её видение всеми участниками конфликта. Данное направление исследований мы назвали лингвистикой войны.

Изучение тех или иных аспектов отражения войны в языке осуществлялось давно. Конечно же, наиболее разработанной является «лингвистика информационной войны», определяющейся как «совокупность массовых коммуникативных практик, целью которых является воздействие (или противодействие

аналогичному воздействию) посредством специфического употребления единиц языка на общность людей (географическую, этнографическую, конфессиональную, политическую, экономическую и т.д.) при одновременном обеспечении безопасности и защиты актора для достижения информационного превосходства в стратегических целях» (Vasil'ev, 2016: 11–12). Большое количество работ, посвящённых описанию лингвистических особенностей информационных войн, вполне объяснимо, поскольку, как отмечает Г.Г. Почепцов, «информационная война стала сегодня в центре политики, экономики и военного дела» (Pochercov, 2014). Однако успешное осознание особенностей ведения и, в частности, языкового обеспечения как информационной войны, так и реального вооружённого конфликта, на наш взгляд, невозможно без учёта лексикона, тезауруса и прагматикона всех «носителей» «языка войны»: организаторов, идеологов, пропагандистов, участников и жертв.

Следует отметить, что уже предпринимались попытки представить и описать язык войны путём лексикографирования лексикона военных действий. С 2006 г. реализуется совместная акция Берлинского издательства «Merve» и Московского издательства «Логос» «Словарь войны». Формат данного словаря несколько необычен: это представленные на специализированном сайте «Словарь войны» (Vocabulary, 2023) тексты сообщений представителей различных профессий и отраслей – журналистов, писателей, психологов, историков и т.д. – о «концептах войны», сделанные во время «сессий» конференций «Словарь войны» в городах Германии, Сербии, Австрии, Италии, Тайваня, России. Как отмечают организаторы, каждый участник акции «собой воплощает то, о чем говорит, каждый выбирает своё слово-концепт для Словаря войны, чтобы сделать высказывание. У каждого – своя война, но свидетельство каждого помогает самоартикуляции гражданского общества в целом. Ведь в этих высказываниях общество смотрит в ту сторону, куда обычно боится смотреть, передоверяя эти полномочия государству и военным»

(Vocabulary, 2023). Например, доктор филологических наук Б. Леонов дал описание концепта «Подвиг», который определил как «типично русское понятие, трудно переводимое на другие языки. Есть не только военный подвиг, но и подвиг молчания, трудовой подвиг. Это особое понятие, связанное с духовной деятельностью человека, с возможностью самовольно, сознательно отказаться от себя ради других» (Leonov, 2009).

Существуют также Словари локальных конфликтов. Таким, например, является созданный учебной системой Storyboard That «Словарь Войны во Вьетнаме», в котором описываются концепты вьетнамской войны, например «Подсчёт убитых – это количество вражеских солдат, убитых в бою или операции. Во время войны во Вьетнаме американские военные часто использовали подсчёт трупов как показатель успеха в той или иной миссии» (Dictionary, 2023). Однако в указанных работах не представлено комплексного подхода к описанию языкового пространства войны, не учитывается различие лексиконов (как базовых объектов) разных групп участников военного конфликта.

Концептологические основания исследования. Мы рассматриваем язык как систему, формирующую картину мира, которая обуславливает через языковые сущности понимание носителем языка внешнего объективного мира и внутреннего субъективного мира себя как языковой личности и тем самым формирует модели своего поведения. Мир в языке «является как бы отчуждённым объективным миром» (Kolshanskii, 2005: 11). Как писал А. Эйнштейн, «человек стремится каким-то адекватным способом создать в себе простую и ясную картину мира для того, чтобы оторваться от мира ощущений, чтобы в известной степени попытаться заменить этот мир созданной таким образом картиной» (Einstein, 1923: 45). Но в этом случае «картина мира, сущностно понятая, означает <...> не картину, изображающую мир, а мир, понятый в смысле такой картины» (Heidegger, 1993: 49). Человек живёт большей мерой

не в событии, а в тексте события: он определяет существенные характеристики данного события, оценивает его через претексты, в нашем случае – тексты организаторов и идеологов конфликта, согласуя со своим статусом в войне. Таким образом, язык войны формирует некую отчуждённую реальность боевых действий, фиксирует истоки, модели протекания, сущности войны, причём делает это путём сопряжения языковой фиксации событий войны через языковые картины мира участников конфликта, следовательно, представляет собой, в сущности, систему взаимосвязанных картин войны языковых групп, различающихся по роли в конфликте. Есть, например, язык организаторов конфликта, язык жертв, язык участников и т.д. При этом они взаимосвязаны и, более того, взаимообусловлены.

Постановка проблемы. На наш взгляд, возникла необходимость в формировании методологических оснований лингвистики войны, в выявлении цели, задач, направлений, методов исследований данной языковедческой дисциплины.

Методология исследования. Методология лингвистики войны представляет собой синтез методов социолингвистики, лексикологии, стилистики, дискурсологии, лексикографии. При сборе материала использовались методы сплошной выборки, анкетирования, интервью. Для определения социальной значимости того или иного языкового явления применялись методики фиксации и анализа социально обусловленных речевых актов. Для формирования представлений о стилистической маркированности рассматриваемых объектов были использованы методы выявления стилистических функций объектов. Для анализа включённости рассматриваемых текстов в обстоятельства войны использовались методы дискурс-анализа. При создании словаря войны применялись методы лексикографирования.

Обсуждение. Лингвистика войны понимается нами как направление лингвистических исследований, осуществляющее анализ текстов войны и на основе этого определяющее особенности лекси-

кона, тезауруса и прагматикона войны. Язык не врёт: воплощённые им при помощи лексикона концепты показывают, с одной стороны, ключевые точки конфликта, а с другой – реальное его содержание. Исследования текстов войны необходимы для осознания причин, особенностей протекания и итогов конфликта, оценки справедливости утверждений, представленных в текстах разных сторон конфликта. Например, в «текстах воздействия» украинской стороны российско-украинского конфликта утверждается, что Донбасс с 2014 по 2022 гг. никто не обстреливал: «В многочисленных сообщениях об обстреле пропагандисты, в частности, развенчали собственный миф о том, что Украина 8 лет бомбила Донецк, заявив, что это первый «прилет» в центр города. «Район театра оперы и балета и гостиницы «Донбасс Палас» в центре Донецка обстрелян впервые за все 8 лет конфликта», передаёт корреспондент РИА Новости», – пишет агентство. После публикации пользователи соцсетей начали массово спрашивать: «А как же 8 лет бомбили Донбасс? Или до центра не долетало?», «Где же те бомбежки на протяжении 8 лет?», «А где вы были 8 лет?»» (<https://www.unian.net/war/rospropagandisty-nenarokom-soznalischo-8-let-bombezhki-donbassa-feyk-novostivtorzheniya-rossii-na-ukrainu-11929050.html>).

Во-первых, здесь очевидна подмена понятий: в сообщениях российских СМИ речь идёт о первом «прилёте» не в Донецке или Донбассе в целом, а о первой бомбёжке «района театра оперы и балета и гостиницы «Донбасс Палас»». Во-вторых, утверждению о том, что «Донбасс восемь лет никто не бомбил», противоречит огромное, состоящее более чем из двухсот слов семантическое поле «обстрел», представленное в текстах восприятия (см. подробно о данном семантическом поле (Vlaskina, 2020)). Мы обнаруживаем слова-маркеры обстрелов в собранных нами в соцсетях и во время полевой работы текстах всего периода военных действий: **2014:** *Район неврологии – окна дрожат, дети напуганы, с какой стороны лунят?* (ВКонтакте: Самооборона Горловки. Пе-

рекличка. 06.11.2014); **2015:** @novostidnia *15 минут тишины, до этого была какофония взрывов (Донецк)* (Твиттер: Пользователь Донецкий URL: https://twitter.com/Glo0mAngel/status/566725134242045952?ref_src=twsrc%5Etfw – 15.02.2015); **2016:** *Обстрелы территории ДНР со стороны украинских силовиков за прошедшие сутки унесли жизни пятерых человек, 16 получили ранения* (ВКонтакте: ДОНЕЦК ДНР НОВОСТИ ДОНБАСС РОССИЯ НОВОРОССИЯ. 28.10.2016); **2017:** *22:40 по окраинам Верхнеторецкого укреплённого пункта с пушками. 22:40 Район Мичурина – б\7, стрелковое, рпг, миномет.* (Твиттер. Бравый Швейк. URL: <https://twitter.com/DPRusih/status/866522232348180481>–22.05.2017). **2018:** *Ситуация напряжённая, потому что полчаса назад выезжал БМП, работают 120, 125, перемирия не ощущается, они стали меньше лупить, но теперь стреляют по городу, работает танчик и БМП2* (ВКонтакте: Самооборона Донецк. 04.06.2018). **2019:** *Ох, ничего себе жажнуло! – Да, волна и до меня дошла. Избушка колыхнулась* (ВКонтакте: GOVES Группа оповещения. Новороссия. ДНР. ЛНР. 23.05.2019); **2020:** *Примерно в час ночи начался обстрел Курганки и ш Изотова. Было зафиксировано порядка 15 приходов* (ВКонтакте: АГС Донбасса. GO Группа оповещения. Новороссия. ДНР. ЛНР. 18.03.2020); **2021:** *Утром ВСУ нанесли удар по посёлку, в результате чего загорелся дом. Повторные сбросы снарядов с БПЛА произошли в момент, когда люди тушили пожар* (Твиттер. URL: <https://twitter.com/0nQIPq0WCONIu0G/status/1418831575903608834>–24.07.2021).

Для обеспечения успешности проведения исследований в области лингвистики войны необходимо определить её базовые параметры.

Необходимо разграничивать **общую лингвистику войны**, которая рассматривает общие для всех войн лексикон, тезаурус и прагматикон, и **локальную лингвистику**, связанную с локальными конфликтами. Например, в общий лексикон войны входят такие номинативные единицы, как *агрессор, операция, броня* (бронетехника) и прочие.

Единицами локального лексикона, например специальной военной операции в Донбассе, являются слова *бучеры* (организаторы провокации в Буче), *укропы* (украинские националисты), фразеологизмы *День воды* (день, в который по графику в Донецке в дом подаётся вода), *Северный ветер* (помощь Российской Федерации) и т.д.

Объектом рассмотрения в лингвистике войны являются «тексты войны», то есть тексты всех возможных стилей и жанров, начиная с текстов законов, художественных произведений и заканчивая бытовыми диалогами, в которых отражаются как реалии, так и особенности восприятия войны и её идеологические основы, то есть тексты, отражающие причины, особенности, ход и восприятие боевых действий участниками и жертвами войны, общественностью, литераторами и т.д.

Для разграничения типов текстов необходимо разграничение статусов субъектов, являющихся продуцентами данных текстов. Нами выделяются организаторы, идеологи, пропагандисты, участники и жертвы войны.

1. Организаторы войны – лица, отдающие приказы, определяющие стратегии и тактики военных действий: политики, руководители государств, представители генералитета и т.д. Основные типы текстов данной категории субъектов – законы, приказы и другие юридические документы.

2. Идеологи войны – субъекты, дающие обоснования тем или иным «концептам противостояния»: учёные, аналитики и т.д. Основные типы текстов: научные статьи, монографии, аналитические обзоры и т.д.

3. Пропагандисты войны – субъекты, распространяющие созданные идеологами войны обоснования действий организаторов войны. Основные типы текстов: статьи в СМИ, аналитические программы на телевидении, художественные тексты на военную тематику и т.д.

Созданные организаторами, идеологами и пропагандистами войны (агентами воздействия) тексты реализуют языковые тактики воздействия на массы.

4. Участники войны – военнослужащие, непосредственно участвующие в боевых действиях. Основные типы текстов: военные переговоры, общение между сослуживцами и т.д.

5. Жертвы войны – жители территорий, на которых происходят боевые действия, беженцы, переселенцы. Основные типы текстов: тексты чатов и форумов в соцсетях, бытовое общение и т.д.

Созданные участниками и жертвами войны (реципиентами) тексты реализуют тактики восприятия боевых действий.

В основе всех типов текстов лежат маркированные военным конфликтом элементы лексикона (слова, коллокации, синлексы, фразеологизмы), тезауруса (реализованные при помощи элементов лексикона концепты) и прагматикона (способы построения текстов, модели речевого воздействия и т.д.) войны.

Сейчас реализуется совместный проект Южного научного центра РАН и Донецкого национального университета «Словарь языка донбасского конфликта», целью которого является описание лексиконов, отражающих события 2014–2022 гг. в Донбассе. В словаре представлены как значимые для конфликта компоненты лексикона воздействия, так и компоненты лексикона восприятия.

Под лексиконом воздействия (лексиконом пропаганды) мы понимаем лексические и фразеологические единицы, которые используются для обеспечения нужной организаторам, идеологам и пропагандистам социокультурной адаптации индивида и общества в целом к условиям войны, определяют политическую, социальную, этическую, эстетическую оценку обществом и индивидом «мирового устройства» и тех или иных событий, связанных с боевыми действиями.

Нами обнаруживаются идеологический лексикон – совокупность языковых средств, формирующих общую ментальность общества, и оперативный лексикон – совокупность языковых средств, используемых для идеологически маркированной интерпретации актуальных событий.

Единицы лексикона пропаганды в первую очередь связаны с манипулятивно маркированными концептами, то есть полипрототипными идеологически значимыми концептами, имеющими в качестве одного из возможных прототипное суждение, абсолютизация которого может быть использована для формирования необходимой для пропагандиста интерпретации мирового устройства, положения вещей, ситуации. Например, для идеологического лексикона донбасского конфликта манипулятивно маркированным является концепт «родной язык».

Ни для кого не секрет, что именно борьба с русским языком, на котором говорит, по крайней мере, подавляющее большинство населения Донбасса, стала одной из фундаментальных причин конфликта. Напомним, что первым законодательным актом, с которым расправилась власть в 2014 году, был Закон «Об основах государственной языковой политики» В. Колесниченко и С. Кивалова. Это вызвало сопротивление органов местного самоуправления в ряде юго-восточных регионов, которые затем и вышли из состава Украины, – в Крыму и в Донбассе, что и побудило тогдашнего и.о. Президента Украины Александра Турчинова не подписывать решение Парламента об отмене Закона до тех пор, пока Верховная рада не примет новый. Однако в 2018 году Закон был отменён как неконституционный.

У борьбы с русским языком есть как минимум две причины.

Во-первых, как писал В. фон Гумбольдт, «человек думает, чувствует и живёт только в языке» (Humboldt, 1984: 378). При этом «язык всей своей системой настолько связан с жизнью, копирует её, входит в неё, что человек перестаёт различать предмет от названия, пласт действительности от пласта её отражения в языке» (Lotman, 1994: 69). В силу этого «язык играет решающую роль в становлении личностных качеств человека, оказывая определяющее влияние на его мировоззрение, менталитет. Именно язык, являясь ядром личности, способствует формированию идеологии, самосознания,

гражданской идентичности личности» (Bespalova, 2020: 7). Как справедливо отмечает Д.В. Полежаев, «менталитет, который в значительной степени детерминируется социальными условиями, выражается в языковых особенностях нации, народных способах социального общения и т.п. Язык, в свою очередь, оказывает определённое формирующее влияние на процесс становления и функционирования социального менталитета и ментальности отдельной личности» (Polezhaev, 2009: 57). Таким образом, в силу того что язык формирует национальную ментальность, русский язык как родной формирует у граждан Украины неприемлемую для украинских агентов воздействия русскую ментальность, вступающую в противоречие с желаемой «украинской ментальностью».

Во-вторых, родной язык является, пожалуй, единственным убедительным средством этнической идентификации: не существует каких-либо физиологических, ярко выраженных идеологических и культурных оснований для различения русских и украинцев, кроме использования в качестве родного русского языка.

В качестве прототипов для определения родного языка используются два фрейма:

1. Родной язык – функционально первый язык.
2. Родной язык – язык этноса, к которому себя относит субъект.

Именно эта двоякая альтернативная трактовка концепта «родной язык» делает его манипулятивно маркированным.

С функционально первым украинским языком есть проблемы: по данным проведённого в 2008 году американским Институтом Гэллага языкового анкетирования, 83 % граждан Украины предпочли использовать для интервью с представителями института не украинский, а русский язык (Russian Language, 2022). В связи с этим украинскими агентами воздействия используется второй фрейм определения родного языка, благодаря чему по результатам переписи 2001 г., во время которой реципиентам навязывалось мнение о том, что родной язык – это язык этноса, русский язык

признали родным всего 29,6 % населения Украины, хотя большая часть из оставшихся в пределах 80,4 % использует в качестве функционально первого именно русский язык, что подтверждается, например, приведёнными выше выводами Института Гэллага и данными других социологических исследований. Для обоснования этого расхождения используется тезис о «русификации» народа Украины. Правда, в этом случае становятся необъяснимыми некоторые факты из истории внедрения украинского языка, например, в языковое пространство Донбасса, где в 20-е годы XX века активно проводилась политика не русификации, а именно украинизации.

Для лингвистики войны важно определить состав манипулятивно маркированных концептов в лексиконе воздействия и наметить возможные пути их интерпретации и использования в процессе текстового противоборства.

Под лексиконом восприятия понимаются слова и словосочетания, которые используются в текстах восприятия для обозначения реалий войны её участниками и жертвами. В состав лексикона восприятия входят:

1) слова, например *Греметь, -млю, -ишь*, нсв. (производить стрельбу/обстрелы из различного вида вооружения);

2) коллокации, то есть устойчивые словосочетания, значение которых выводится из значений составляющих их слов, например *Ущерб от обстрелов* (обобщённое выражение для обозначения потерь мирного населения);

3) синлексы, то есть дискретные наименования, имеющие «цельное» словное значение, не выводимое из значений составляющих их слов, например *Тревожная сумка*, ж. (базовый набор вещей для выживания в экстремальных ситуациях до прибытия спасателей или до безопасной эвакуации из зоны чрезвычайной ситуации);

4) фразеологизмы, например *Вышиванка головного мозга* (устойчивое выражение, обозначающее отсутствие логики, упрямство и крайнюю степень увлечённости националистическими идеями);

5) **паремии**, то есть пословицы и поговорки, например *Главное – остаться человеком*.

С точки зрения происхождения они подразделяются на:

1) единицы общенационального лексикона, сохраняющие своё значение, например коллокация *Жертвы обстрела* (люди, пострадавшие от обстрелов);

2) военные сленгизмы, например *Двухсотый, -ого*, м. (убитый, погибший), *Брónник, -а*, м. (бронезилет);

3) единицы общенационального фонда со специализированным, «смещённым» значением, например *Вибрация, -и*, ж. (дрожание земли, зданий, окон от разрывов снарядов); *Бомбить, -блю, -бишь*, нсв., кого (что) (производить артиллерийский обстрел); в словарях русского языка это слово толкуется исключительно для обозначения авиабомбардировок, см., например, в Словаре Ожегова: *БОМБИТЬ, -блю, -бишь*; несовер., кого (что) (атаковать с воздуха, сбрасывая бомбы);

4) образные номинации, например *Вжик, -а*, м. (то же, что *беспилотник*): по имени героя мультфильма «Чип и Дейл спешат на помощь» – мухи Вжик;

5) дериваты, например *Вэсэушник, -а*, м. (военнослужащий ВСУ), *Двухсотить*, нсв. (убивать), *Минусовать*, нсв. (стрелять “от нас”).

Заключение. Итак, лингвистика войны, описывающая воплощённые в языке тактики воздействия и тактики восприятия

военного конфликта, представляет собой комплексное направление исследований воплощённой в языке картины войны, задачами которого является многомерное, объёмное изучение и описание лексикона, тезауруса и прагматикона войны, представленных в текстах разных типов, отражающих её видение всеми участниками конфликта. Концептуально язык войны формирует лингвальную реальность боевых действий, фиксирует истоки, модели протекания, сущности войны, причём делает это путём сопряжения языковой фиксации событий войны через языковые картины мира участников конфликта, а следовательно, представляет собой, в сущности, систему взаимосвязанных картин языковых групп, различающихся по роли в конфликте. Выделяются общая лингвистика войны, изучающая для всех войн лексикон, тезаурус и прагматикон, и локальная лингвистика войны, описывающая лингвальную реальность локальных конфликтов. Объектами изучения в лингвистике войны являются тексты, порождаемые, с одной стороны, организаторами, идеологами, пропагандистами войны (тексты агентов воздействия), а с другой – участниками и жертвами войны (тексты реципиентов). Базу указанных текстов составляют, соответственно, лексикон воздействия, включающий лексикон пропаганды и оперативный лексикон, и лексикон восприятия. Дальнейшие исследования должны быть направлены в первую очередь на подробное описание данных лексиконов.

Список литературы / References

Bespalova T. M. Iazyk kak osnova mental'nosti i grazhdanskoi identichnosti lichnosti [Language as the basis of mentality and civic identity of a person]. *Rol' gosudarstva i institutov grazhdanskogo obshchestva v sohranении rodných iazykov i literatur. Materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. [The role of the state and institutions of civil society in the preservation of native languages and literatures: materials of the International Scientific and Practical Conference]*. Cheboksary. 2020, 6–9.

Dictionary of the Vietnam War, 2023. Available at: <https://www.storyboardthat.com/ru/lesson-plans/V'etnamskaya-voyna/slovar'> (accessed 5 January 2023).

Einstein A. Vliyanie Maksvella na razvitie predstavlenij o fizicheskoy real'nosti [Maxwell's influence on the development of ideas about physical reality]. *A. Einstein. Sobranie nauchnyh trudov [Collection of scientific papers]*. Moscow, 78–89.

Humboldt, W. von. *Izbrannie trudy po iazykoznaniiu [Selected works on linguistics]*. Moscow, 1984, 398.

Heidegger M. *Vremia i bytie: stat'i i vystupleniia [Time and being: articles and speeches]*. Moscow, 1993, 447.

Kolshanskii G. V. *Ob"ektivnaia kartina mira v poznanii i iazyke [Objective picture of the world in cognition and language]*. Moscow, 2005, 128.

Leonov B. Podvig [Feat]. *Slovar' vojny: mezhdunarodnyj proekt [Vocabulary of War: International Project]*, 2009. Available at: http://www.slovar.tv/index.php?option=com_content&view=article&id=58%3A2009-11-19-09-01-22&catid=37&Itemid=37&lang=ru.

Lotman Iu. M. Lekcii po struktural'noj poetike [Lectures on structural poetics]. *Iu. M. Lotman i tartusko-moskovskaya semioticheskaya shkola [Iu. M. Lotman and the Tartu-Moscow semiotic school]*. Moscow, 1994, 11–246.

Pochepcov G. G. Informacionnaya vojna: opredeleniya i bazovye ponyatiya [Information war: definitions and basic concepts], 2019. Available at: <https://psyfactor.org/psyops/infowar25.htm>.

Polezhaev D. V. Mentalitet i iazyk: osobennosti fenomenologicheskogo vzaimodejstviia [Mentality and language: features of phenomenological interaction]. In *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [News of the Volgograd State Pedagogical University]*. 2009, 5, 57–62.

Vasil'ev A. D., Podsohin F. E. Informacionnaia vojna: lingvisticheskij aspekt [Information war: linguistic aspect]. In *Politicheskaja lingvistika [Political linguistics]*. 2016, 2, 10–15.

Vlaskina T. Iu. «Obstrel» v tezauruse po povsednevnosti sovremennogo Donbassa [“Shelling” in the thesaurus on the everyday life of modern Donbass]. *Doneckie chteniia 2020: obrazovanie, nauka, innovacii, kul'tura i vyzovy sovremennosti. Materialy V Mezhdunarodnoi nauchnoi konferencii. 4: Filologicheskie nauki. Kul'tura i iskusstvo [Donetsk readings 2020: education, science, innovations, culture and modern challenges. Proceedings of the V International Scientific Conference. 4: Philological sciences. Culture and art]*. Doneck, 2020, 22–25.

Vocabulary of War: International Project, 2023. Available at: <http://www.slovar.tv> (accessed 5 January 2023).

Russian Language Enjoying a Boost in Post-Soviet States, 2022. Available at: <https://news.gallup.com/poll/109228/RussianLanguage-Enjoying-BoostPostSoviet-States.aspx> (accessed 5 January 2023)